

УДК 94(4):903.59"1914/1918"
UDC
DOI: 10.17223/18572685/58/7

ЗАХОРОНЕНИЯ РУССКИХ СОЛДАТ В ПРИКАРПАТЬЕ ПЕРИОДА ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Б.П. Савчук¹, Г.В. Билавич²

Прикарпатский национальный университет им. В. Стефаника
Украина, 76018, г. Ивано-Франковск, ул. Т. Шевченко, 57

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Авторское резюме

Реконструирована столетняя ретроспектива формирования и описано современное состояние русского военного некрополя периода Первой мировой войны в Прикарпатье (территория современной Ивано-Франковской области Украины), а также показано отношение к нему русинов края, которое в значительной степени определяло этот процесс при разных политических режимах. В результате кровопролитных сражений 1914–1918 гг. территория региона покрылась густой сетью индивидуальных и групповых могил русских и воинов других армий. Большинство из захоронений находилось в полях, лесах, а также на военных кладбищах и отдельных участках сельских и городских кладбищ. В межвоенный период, когда территория края пребывала под властью Польши, произошло их некоторое упорядочение за счет переноса останков солдат на кладбища. В советское время большая часть могил «солдат царской армии» была уничтожена. В современном русском некрополе Прикарпатья периода Великой войны выделены две основные группы захоронений: общие – для воинов русской и австро-венгерской армий (зафиксировано около 25) и отдельные – для солдат Русской императорской армии (сохранилось до 10). Представлена их характеристика по количеству похороненных, особенностям расположения, другим признакам. Показана деятельность общественных организаций по поиску новых и упорядочиванию мест захоронений солдат Первой мировой войны.

Ключевые слова: военный некрополь, военные захоронения, Первая мировая война, русины, Прикарпатье.

BURIAL SITES OF RUSSIAN SOLDIERS IN CARPATHIA DURING THE FIRST WORLD WAR

B.P. Savchuk¹, G.V. Bilavych²

Vasyl Stefanyk Precarpathian National University
57 Shevchenko Street, Ivano-Frankivsk, 76018, Ukraine

¹ E-mail: boris_savchuk@ukr.net

² E-mail: ifosuhcvas@gmail.com

Abstract

The article reconstructs the centennial retrospective of the formation and the current state of the WWI Russian military necropolis in Carpathia (the territory of the modern Ivano-Frankivsk region of Ukraine) and shows the attitude to it of the Rusins, who largely determined this process under various political regimes. After the bloody battles of 1914–1918, there appeared a dense network of individual and group burials of Russian and other army soldiers in the region. Most graves were on fields, in forests, in military cemeteries and separate sections of rural and urban graveyards. In the interwar period, when the territory of the province was controlled by Poland, some remnants of soldiers were transferred to church cemeteries. However, in the Soviet times, most graves of “tsarist soldiers” were destroyed. The modern Russian necropolis in Subcarpathia dated to the Great War has two main groups of burials: a common one for the soldiers of the Russian and Austro-Hungarian armies (about 25 burials) and a separate section for the soldiers of the Russian Imperial Army (up to 10 burials). The article characterises them in terms of the number of buried people and location, with the focus on the activity of civic organisations aimed at finding new burial sites and arranging the burial sites of the WWI soldiers.

Keywords: military necropolis, military burials, First World War, Rusins, Subcarpathia.

История Первой мировой войны многолика, противоречива, драматична. Она охватывает международную, государственно-политическую, военную, социально-экономическую, культурно-бытовую сферы общественной жизни во всем разнообразии их проявлений. Эти и другие аспекты фокусирует проблема воинских захоронений, которая остается предметом научного и общественных дискурсов и патриотических инициатив. Современная ситуация относительно изучения, сохранения, восстановления мест захоронений воинов, погибших в двух мировых войнах XX ст., имеет много общего и на-

ционально особенного в европейских и постсоветских странах, что фокусируется на уровне отдельных областей и регионов.

С таких позиций обращение к изучению воинских захоронений 1914–1918 гг. в Прикарпатье выглядит целесообразным и обоснованным. При этом важно отметить, что в концептуальной работе по терминологии Карпатской Руси С.Г. Суляк справедливо утверждает, что термин *Прикарпатье (Восточное Прикарпатье)* применяется как синоним исторического региона Галичина (или Галичины вместе с Буковиной) [28: 276]. В нашем исследовании исходим из сложившихся в определенных кругах историков Украины и современных общественных представлений, согласно которым термин *Прикарпатье* соотносится с территориально-административными границами Станиславского воеводства в 20–30-х гг. XX в., когда оно находилось в составе Польши, и современной Ивано-Франковской области Украины. Такой подход обусловлен тем, что основная работа по созданию, учету, сохранению, мемориализации мест воинских захоронений всегда происходила в рамках отдельных административных единиц. В нашем случае термин *Прикарпатье* соотносим с территорией Ивано-Франковской области.

История военного некрополя современной Ивано-Франковщины как в зеркале отражает общие и особенные черты, характерные для всего русинского населения Карпато-Днестровских земель и Украины, Словакии, Сербии, Хорватии, Венгрии, Польши, Румынии. Их объединяет и тот важный момент, что на территории области сохранилось много захоронений польских легионеров, а в последние годы открываются ранее не известные захоронения хорватских и венгерских солдат. Русинское население Карпато-Днестровских земель имеет общие традиции, культуру, историю, в частности, страницы, связанные с его репрессиями в Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны [26], и общую историческую память о событиях того времени [2].

Изучение поставленной проблемы предусматривает реконструкцию процесса создания и развития русского некрополя 1914–1918 гг. в Прикарпатье в столетней ретроспективе. В таком контексте показывается отношение к нему местного населения края, которое в определенной мере влияло на его развитие при разных политических режимах.

В процессе формирования и сохранения захоронений русских солдат времен Первой мировой войны в Прикарпатье и ментальных трансформаций¹ в отношении к ним местного населения отслеживаем четыре основных периода: 1) 1914–1918 гг., когда появилась основная масса военных захоронений; 2) 1919–1939 гг., когда во время пребывания в составе Польши на Станиславщине сформиро-

вались основные контуры военного некрополя прошедшей войны; 3) 1939 – конец 1980-х гг., когда в советское время он подвергся значительному разрушению; 4) с конца 1980-х гг., когда на фоне трансформации общественного сознания кардинально изменилось отношение к захоронениям времен Великой войны.

Согласно общепринятым гуманистическим принципам, война не заканчивается до тех пор, пока не похоронен последний солдат, а каждый погибший должен быть погребен, и место его захоронения считается священным. Следовательно, Великая война 1914–1918 гг. еще не закончилась и не закончится никогда, потому что и через сто лет продолжают находить останки погибших воинов, а разница между количеством погибших и тех, что были похоронены и чьи имена известны, потрясающая.

Об этом свидетельствуют и потери воевавших армий в сражениях в Прикарпатье. Их краткая реконструкция необходима для представления общего фона и главного фактора, который обуславливал характер и масштабы формирования военных некрополей.

В 1914–1917 гг. линия фронта несколько раз перекраивала территорию Прикарпатья, что определяло изменение сложных отношений местных русинов с солдатами сражавшихся армий и устанавливавшимися политическими режимами². В результате изучения приведенных ниже работ, которые детально реконструируют ход военных операций, и источников, которые локализуют архитектуру военных захоронений, отслеживается причинно-следственная связь, согласно которой эти явления (бой – потери – могилы) совпадают как пазлы трагической картины сотен и тысяч смертей.

Наступлением 17 августа 1914 г. русских войск Юго-Западного фронта началась 33-дневная кровавая Галицкая битва. Они продвинулись на 200–300 км в глубь монархии Габсбургов. Потери австро-венгерской армии составляли 300 тыс. убитыми, русской – до 230 тыс. Для управления новыми территориями царское правительство создало Галицийское генерал-губернаторство [1].

В ходе Карпатской операции (январь – апрель 1915 г.) потери Русской императорской армии (РИА) составили около 1 млн чел., а ее противник потерял до 800 тыс. [15: 3–17]. В ходе Горлицкой битвы (2 мая – 10 июня 1915) австро-германские войска отбросили РИА за Днестр и почти дошли до старой государственной границы. Потери русских войск составили 40 тыс. чел., австро-венгерских – 13 тыс. В результате Брусиловского прорыва (4 июня – 20 сентября 1916 г.) русские войска Юго-Западного фронта подошли к карпатским перевалам. Их потери составили 500 тыс. чел., а австро-германских войск – около 1,5 млн. Проведенная летом 1917 г.

последняя крупная наступательная операция РИА не принесла успеха: армия отошла к Днестру [3].

Потери враждующих армий в Прикарпатье, которое находилось в эпицентре битв, были колоссальными, и его территории покрылась густой сетью воинских захоронений. Более точные представления о них дают данные, касающиеся территории Львовского австро-венгерского военного командования, согласно которым в 1920 г. насчитывалось 610 военных кладбищ 1914–1919 гг., из них 467 отдельных. Среди похороненных на них 227 130 чел. было 108 220 воинов австро-венгерской армии, 26 320 – немецкой, 78 675 – русской, а также 13 180 неизвестных. Их останки покоились в 118 730 отдельных и 10 840 групповых захоронениях [18]. Поскольку Станиславщина занимала почти треть этой структурной единицы, можем в соответствующей пропорции условно соотнести эти показатели к ее территории.

Командование РИА имело определенную доктрину в вопросе захоронения и учета погибших солдат. Во фронтовых частях такие функции возлагались на погребальные команды, в Галицийском генерал-губернаторстве – на органы полиции.

Однако представляется, что в похоронных структурах как русской, так и австро-венгерской армий возникли значительные трудности с погребением огромного количества павших на территории Галиции. Этот процесс изучен недостаточно, поэтому реконструируем его в общих чертах на основе по крупицам собранных материалов архивов, научных исследований, свидетельств участников событий и т. п.

В начальной стадии войны процесс захоронения происходил стихийно³. Во времена затишья между боями солдаты фронтовых частей и санитарные службы собственными силами хоронили товарищей по оружию преимущественно на месте гибели: рыли ямы или переносили тела в ближайшие воронки, окопы, делали могильные насыпи. Отдавали воинские почести. Реже хоронили на возвышениях, при дорогах, на опушках леса, погребали в гробах, отпевали со священниками, на могилах устанавливали кресты с личными данными.

К такой работе привлекались местные русины, которые и сами были вынуждены ее выполнять, поскольку погибшие лежали в их усадьбах, на огородах, общинных полях и пастбищах. Если их было немного, то крестьяне справлялись с этим сами, если тел были десятки, тогда привлекали членов сельской общины. В местах захоронений делали насыпи, которые по размерам соответствовали индивидуальным или групповым могилам. При погребении присутствовали сельские старосты и приходские священники, которые совершали соответствующий христианским традициям обряд. Часто групповые захоронения расширялись за счет погребения тел новых погибших

воинов, поэтому зафиксированные в официальных документах данные об их количестве не всегда точные.

В общих братских могилах погребали воинов обеих армий. В ментальности местного населения на подсознательном уровне укоренилось благоговейное отношение к телу покойника. Это было связано с главным догматом христианства о воскрешении всех умерших. В понимании русинов тело каждого человека – это храм души, поэтому оно должно быть погребенным по христианским традициям. Они верили в бессмертие душ, которые воскреснут после второго пришествия Спасителя, независимо от того, при каких обстоятельствах погиб человек и каким образом его тело предано земле.

При этом местные жители понимали, говоря современным языком, и санитарно-эпидемиологическую необходимость быстрого и надежного погребения погибших воинов. В условиях войны, когда в районе боевых действий иммунитет большинства людей ослаблен, а основным источником водоснабжения были неглубокие колодцы, пополнявшиеся верхними водами, трупы погибших могли стать источником инфекционных заболеваний. С таких позиций братские могилы двух мировых войн справедливо называют «санитарными захоронениями».

Со стабилизацией линии фронта процесс захоронения приобрел более организованный характер. С одной стороны, военные органы российской и австро-венгерской армий начали создавать военные кладбища. С другой стороны, крестьяне телегами свозили тела погибших солдат на приходские кладбища и хоронили их на «свободных» местах, указываемых церковными старостами и священниками. В других случаях при участии офицеров на кладбищах закладывались отдельные участки воинских захоронений.

В таких условиях начал формироваться военный некрополь Прикарпатья периода Великой войны. Полная реконструкция его архитектуры априори невозможна, однако представления о ее характере и особенностях дают архивные документы о местах расположения и состоянии воинских захоронений. Для типологии этого явления акцентируем внимание на материалах, которые позволяют воссоздать наиболее полную картину в отдельных местностях.

В составленном органами полиции «Сведениях о количестве могил павших русских воинов, находящихся в районе 2-го полицейского участка Коломыйского уезда», согласно нашим подсчетам, было зафиксировано 429 могил, которые находились в 42 селах. Менее трети из них располагалось на сельских и церковных кладбищах нескольких сел: Каменке Большой (19), Слобидке Лесной (40), Раковчике (15), Жукотине (18), Лесном Хлибычине (28) [13]. В другом

списке в 23 селах, принадлежащих к 1-му полицейскому участку этого уезда, где острота военных действий была меньшей, фиксируются 102 могилы воинов русской и австро-венгерской армий. Из них 50 и 40 находились на кладбищах в селах Малый Гвиздец и Гвиздец [13; 14]. Такая детализация имеет принципиальное значение для сопоставления с современным состоянием военных захоронений.

Органы русской полиции тщательно обследовали и захоронения австро-венгерской армии. В качестве примера приведем «Список могил воиновъ неприятельской армии въ районе Косовского уезда», где описано около 65 фактов захоронений по таким признакам: а) место нахождения (село, дорога, другой объект); б) наличие крестов, из какого материала они изготовлены, надписи на них; в) чем ограждены; г) общее состояние, особые признаки. Анализ показал, что около 20 зафиксированных в нем могил размещалось на сельских кладбищах и около 10 – вдоль дорог, на гминных землях, пастбищах. В другой половине захоронений, находящихся на частных усадьбах и огородах, насчитываем сотни индивидуальных и три групповые могилы. Большинство из них были увенчаны тесаными или нетесаными крестами из дуба, бука, березы, пихты, на некоторых могилах были каменные постаменты и провололочные ограждения. Только на нескольких крестах имелись надписи с данными об австрийских, польских, венгерских воинах [7].

Эти факты могут свидетельствовать о том, что большинство могил были выкопаны самими русинами, которые увенчивали их крестами и, будучи христианами, изъявляли готовность ухаживать за погребениями «чужаков», несмотря на разное вероисповедание.

Несколько иной была ситуация с захоронениями солдат российской армии возле населенного пункта Старые Куты Косовского уезда, который охватывал семь горных сел. Зафиксированы данные о более чем 70 могилах, в которых было захоронено около 350–400 воинов преимущественно Белгородского полка, погибших 15–16 июля 1916 г. в ходе Брусиловского прорыва. Здесь было больше братских могил, разбросанных вдоль дорог, на полях, в лесах. Например, на окраинах сел Старые Куты и Кобаки в них были похоронены 20, 40, 45, 40 и 50 солдат [8]. «Округление» данных может свидетельствовать об их неточности, но в целом этим цифрам можно доверять.

Список могил воинов враждовавших армий на территории Устерицкого участка Косовского уезда фиксирует их национальности. Так, в результате боев в августе – сентябре 1916 в с. Яблоница появились захоронения офицера 23-го резервного корпуса (в документе – полка) немецкой армии Вильяна Корде и нескольких десятков воинов русской, австро-венгерской, немецкой армий. На могильных крестах

в этом и других селах встречаем много украинских фамилий воинов (Гордийко, Пахольченко, Савчук, Чентай, Шевчук и др.), воевавших в составе Новоузенского и Косунского полков РИА [9].

Важные черты захоронений выявляет «Списокъ могил павшихъ воиновъ русскихъ и австрийскихъ в районе Чернелицкого участка Городенковского уезда». Он фиксирует множество совместных групповых захоронений. Например, в с. Монахиня в трех братских могилах, расположенных на старом кладбище, возле его ограды и на новом кладбище, было похоронено соответственно 22, 27 и 29 солдат обеих армий. Документ свидетельствует о таком широком явлении, как возведение больших групповых захоронений на частных владениях местных жителей. Например, в гмине Кунисовцы «на поле Николая Димашича под назв[анием] Хопко» находились братские могилы 78 солдат австро-венгерской и 65 российской армий; в гмине Далешово «на поле <...> Касперка под назв[анием] Лыса» – могилы соответственно 32 и 11 воинов этих армий; в могилах, расположенных на полях в гминах Кунисовцы и Хмелевка, были похоронены 24 и 39 воинов, которые в разное время умерли от ран (очевидно, находились в частных домах крестьян и ими же похоронены. – *Б.С., Г.В.*), поэтому их принадлежность к военным подразделениям осталась неизвестной, и т.д. На большинстве из обозначенных в этом списке 623 могил были кресты без надписей, многие ограждены [10]. Кстати, указанные документы фиксируют десятки захоронений русских казаков, донских казаков и черкесов на территории Городенковского и Косовского уездов.

О постоянном увеличении количества индивидуальных могил и численности воинов в братских могилах в результате нахождения новых тел и по причине смерти раненых в госпиталях и частных домах свидетельствует донесение главного врача I-й Заамурской пограничной заставы. В нем сообщалось, что в июне 1915 г. умерли 12 ее солдат, которых похоронили в селах Гавриловка, Чертовец, Окно Коломыйского уезда [11].

Таким образом, исходя из фрагментарного, но презентабельного представления высокой степени насыщенности воинских захоронений в отдельных уездах Станиславщины, с одного стороны, и продолжительности кровавых боев на территории края – с другой, можем утверждать, что в период Великой войны она покрылась густой сетью могил солдат русской и австро-венгерской армий. Этот важный промежуточный вывод дает основание для перехода к рассмотрению дальнейшего развития и современного состояния русского военного некрополя Прикарпатья.

Обобщение накопленных данных позволяет зафиксировать факт сохранения более 140 захоронений солдат различных армий и на-

циональных воинских подразделений на территории Прикарпатья периода Первой мировой войны в виде военных кладбищ, участков воинских захоронений на городских и сельских кладбищах и больших братских могил. Это число не учитывает индивидуальных могил и разбросанных на отдельных кладбищах, а также в лесах, на полях и дорогах.

В русском некрополе Прикарпатья выделяем две основные группы захоронений: 1) общие для воинов русской и австро-венгерской армий; 2) отдельные для солдат РИА. Охарактеризуем их в одном контексте, исходя из количества похороненных, локализации, особенностей расположения, состояния надгробных знаков, других признаков.

Исходя из количества погибших воинов и состояния их захоронений на момент окончания Первой мировой войны, можем утверждать, что русский военный некрополь был не меньшим, чем австро-венгерский, однако сохранился он хуже. Об этом свидетельствует анализ результатов некрополистических и памятковедческих исследований [20, 21]. Они не фиксируют ни одной большой братской могилы, которые существовали в 1915–1918 гг. в указанных выше или других населенных пунктах.

Такая ситуация стала следствием политики господствующих на территории Прикарпатья государственных режимов. Относительно межвоенной Польши ситуацию нельзя оценить однозначно. С одной стороны, в русле общеевропейского движения по сохранению памяти о жертвах Великой войны активно функционировала система переноса, перезахоронения, упорядочения военных могил и кладбищ. С другой стороны, имело место предвзятое отношение к захоронениям воинов разных, особенно русской, армий, что обуславливалось характером внешнеполитических отношений и внутренними идеологическими установками.

В то время в общественном сознании украинцев Галиции активно формировался культ «украинских героев-воинов» минувшей войны, но в этой идейной установке не всегда было место для памяти о погибших солдатах других армий. Однако, благодаря живым носителям народной памяти о Великой войне, в их сознании не произошло разделения воинских захоронений на «свои» и «чужие», и люди продолжали ухаживать за теми и другими [2: 97–100]. Такое противопоставление появилось в советское время, когда стало возможным и «нормальным» уничтожение могил «враждебных» солдат царской армии, погибших в империалистической войне, чтобы на их месте поставить памятники «своим» советским воинам.

Фиксируем около 25 сохранившихся на территории Прикарпатья в начале XXI в. совместных захоронений солдат русской и австро-венгерской армий времен Первой мировой войны. На одном из крупнейших военных кладбищ в урочище Ривня, возле с. Тишковцы Городенковского района, в трех братских могилах похоронено около тысячи солдат обеих армий, погибших в июньских боях 1916 г. Другие крупные военные кладбища с несколькими сотнями усопших воинов расположены в с. Корнив Городенковского района, в г. Долина (сохранилось более 300 небольших бетонных крестов) и с. Вышкив Долинского района [20: 99, 102].

Отдельную трагическую страницу в летопись русских некрополей Первой мировой войны вписывают кладбищенские захоронения г. Ивано-Франковска. Ее восстановление стало возможным благодаря сопоставлению разных источников. В архивных фондах сохранилось два рапорта полицейского пристава г. Станиславова. В первом, от 28 марта 1915 г., сообщалось о захоронении «23 чел. нижних чинов» на православном кладбище в пригороде Княгинин-горки и описывалось его место расположения: «На этой могиле поставлен деревянный крест с надписью, указывающей численность погибших. Кладбище находится на расстоянии 200–250 сажень от полотна железной дороги к г. Галич, от Галицкой улицы на расстоянии в 300 сажень, в 150 сажень от р. Солотвинской Черной Быстрицы» [12: 13–14].

В рапорте от 8 апреля 1915 г. информировалось о погребении 132 русских солдат и офицеров на центральном городском православном и католическом кладбище по улице Франца Иосифа. Прилагаемая схема свидетельствует, что их незначительную часть похоронили в левом крыле кладбища (рядом с могилами почетных горожан, а также моргом и церковью), в двух крайних рядах, которые с востока и севера сходились прямым углом. А большинство – в южном, правом крыле, где не было других захоронений [12: 15–17].

В первом рапорте речь шла о «новом» (заложенном в 1912 г.) кладбище Станиславова, где с начала войны хоронили воинов русской, затем и других армий (всех около 200 чел.). Однако их могилы не сохранились, поскольку в 1950-х гг. на их месте появились захоронения военнослужащих советских спецслужб [21: 26–27].

Во втором рапорте речь шла о городском кладбище Станислава, одном из старейших в Украине, основанном в 1782 г. С переходом города под власть Галицийского генерал-губернаторства в его южной части – на «новом поле» – заложили военное кладбище (о чем свидетельствует упомянутая схема). Сначала тут хоронили русских солдат, всего около 800 чел. в 317 могилах. После отхода русских войск туда начали свозить воинов австро-венгерской армии, погибших на фронте

или умерших в госпиталях (в городе находился один из старейших в Восточной Европе военный госпиталь) [23].

После реконструкции в 1924–1927 гг. кладбище стало главным военным некрополем Станислава, на котором располагалось 665 приведенных в порядок могил воинов, погибших в 1914–1919 гг. В годы Второй мировой войны оно подверглось незначительным разрушениям, а в послевоенное время стало целенаправленно уничтожаться. С негласного одобрения местных властей надгробия растаскивались строительными организациями и горожанами для укрепления фундаментов, дорог и т. п. Доведя кладбище до полуразваленного состояния, в 1960-х гг. по его территории проложили трассу, позже на ней появились частные гаражи [23].

Такая же участь постигла заложенную на этом кладбище во время войны военную аллею, где хоронили солдат, которые умирали в госпиталях (среди 200 чел. были и русские). Ее разрушили в 1970–1980-х гг. в результате актов вандализма, совершавшихся при откровенном попустительстве местных органов власти. Варвары разбивали надгробия, разбрасывали останки, на могилах устраивали пьяные оргии. Наибольшему осквернению подвергались захоронения воинов Первой мировой войны [21: 58–62; 23].

Эти характерные и для других военных некрополей события стали результатом глубокой трансформации общественного сознания советского периода, когда подходы к увековечиванию памяти участников Первой мировой войны стали определяться искаженными представлениями, навязанными партийными идеологами. Моральная деградация стала следствием сформированного атеистического сознания: Бога нет, значит, нет и души, а есть только мертвец, труп, брненное тело, с которым можно поступать, как с любой другой материей.

Изучение разных источников и собственные полевые исследования позволяют утверждать, что наилучшим образом сохранились военные захоронения и их надгробные знаки, расположенные на отдельных участках сельских и церковных кладбищ. Причем это результат не политики польской, а тем более советской власти, а сохранения в ментальности местного населения глубоко укоренившегося христианского понимания души и сформировавшегося на основе традиционной памяти культа погибших воинов.

Среди полутора десятка таких примеров отметим кладбище в с. Блюдники Галицкого района, где похоронено около сотни солдат российской и австро-венгерской армий, павших в бою 4 июня 1916 г. Их венчают 25 невысоких земляных насыпей с латинскими крестами [19: 85]. В 1920-х гг. останки более 150 воинов этих армий были

перенесены из урочища Загостинец на сельское кладбище с. Брынь этого же района и перезахоронены в братской могиле, которая сохранилась в виде высокой конусообразной насыпи с символическим склепом наверху [19: 86].

Согласно нашим полевым исследованиям, стараниями местных общин и церковных братств в хорошем состоянии сохранились несколько десятков военных могил 1914–1916 гг. солдат русской и австро-венгерской армий на старинном кладбище с. Нижний Березов Косовского района. В третьем-четвертом поколении местные жители из уст в уста передают воспоминания о том, кто и когда в них был похоронен. Местные мастера реставрировали надгробия и кресты (надписей практически не сохранилось), и сегодня во время церковных праздников здесь, на братской могиле, где 1915 г. были погребены воины австро-венгерской и русской армий, местные жители молятся, отправляют панихиды, зажигают свечи, втыкают освященные веточки вербы в могильную землю накануне Пасхи, колядуют во время Рождества.

Заслуживает внимания история большой братской могилы, расположенной на частной усадьбе в урочище под Дилом в с. Белые Ославы Надвирнянского района. В 1960-х гг. о ней напоминал лишь небольшой холмик, поэтому крестьяне привели ее в порядок, восстановили дубовый крест. В начале 1990-х гг. они сделали на могиле высокую насыпь и на собранные средства установили кованный крест с надписью: «Ісусе, Ісусе! Згадай про мене / Як прийдеш у царство своє! / (Луки 23:42) / Пам'ятний хрест / Під Дилом встановлений / на братській могилі, / на місці кровопролитного бою / Першої світової війни, / де захоронені вояки / австрійської та / російської армії, яких / приймила / українська галицька земля. / Мир праху їхньому / с. Білі Ослави. 2007» [5].

Упомянутая ранее литература фиксирует и дает довольно скудные сведения только о 9–10 отдельных захоронениях русских солдат 1914–1918 гг. Среди них отметим три большие братские могилы: в с. Устье Снятинского района, где покоится прах 60 воинов; на Белой горе в с. Незвисько Городенковского района, где в честь погибших в январе 1915 г. воздвигли обелиск в виде массивной квадратной пирамидальной колонны, который и сегодня просматривается со всех сторон сквозь густые заросли [4]; в с. Коленки этого же района, где в 1959 г. установили памятник в виде трехступенчатого постамента с обелиском и надписью на нем: «Героям, павшим в боях, 23-го Амурского конного полка 8.04.1915» (после разрушения под воздействием природных факторов его восстановили в 1991 г. члены Российского культурного центра [20]).

Историки и краеведы предполагают, что, кроме известных больших братских могил русских солдат на кладбищах поселка Верховина [20: 77] и с. Куты Косовского района, именно в предгорных и горных районах Ивано-Франковщины, где в 1915–1917 гг. проходили кровавые бои, должны в нетронутом виде находиться и другие захоронения. Их уверенность подтверждают три факта, которые также свидетельствуют об активизации деятельности по установлению и благоустройству мест воинских захоронений общественных организаций, поддерживаемых зарубежными фондами.

Так, в результате поисково-полевых работ у подножья самой высокой на Украине горы Говерлы по проекту федерации скаутов «Галицкая Русь» были перезахоронены в 41 индивидуальной именной и трех братских могилах найденные в горах останки более сотни российских, австрийских, немецких, украинских воинов, погибших в августе 1916 г. Их освятили 28 августа 2010 г. в рамках акции «Помнить. Возродить. Сохранить» при участии скаутов из Львова, Киева, Сум, Ужгорода, Запорожья, Тулы, Москвы [6]. А во время проведенной поисковыми ассоциациями, входящими в состав организации «Союз "Народная память"», военно-мемориальной экспедиции «Карпаты-2018» в районе Гринявского хребта Верховинского района нашли останки 27 погибших воинов. По военной амуниции времен Первой мировой войны идентифицировали 19 солдат русской, 7 – немецкой и 1 – австро-венгерской армий [17].

Благодаря поисковой деятельности организации «Народная память» в с. Татарив Яремчанского района были перезахоронены найденные на Карпатских перевалах останки 93 воинов российской и австро-венгерской армий. Построенный в их честь мемориальный комплекс освятили 11 ноября 2018 г. [24].

Рамки статьи позволяют ограничиться констатацией таких фактов, как совместные захоронения воинов русской и других армий, умерших от инфекционных болезней, на т. н. холерных кладбищах (более 250 могил в г. Рогатын; десятки могил в г. Калуше и др.); общие погребения на сельских кладбищах русских воинов и местных русинов, погибших от репрессий и при других обстоятельствах в 1914–1919 гг.; обнаружение около десятка могил узников Талергофа (с. Пидгирки Калушского района), которых, очевидно, сохранилось значительно больше, и др. Все они требуют предметного исследования.

В качестве вывода отметим, что положение, которое сложилось с проблемой сохранения и изучения русского некрополя периода Первой мировой войны на Ивано-Франковщине, касается и захоронений национальных воинских подразделений поляков, венгров, хорватов, сербов, которые принимали участие в боевых действиях на террито-

рии края. Оно во многом характерно для всего Карпато-Днестровского региона, где русинское население, несмотря на идеологическое влияние действовавших государственно-политических режимов, в силу культурно-исторических традиций и запрограммированных на ментальном уровне христианских ценностей продолжало чтить память о погибших воинах как «своих», так и «чужих» армий. Сегодня на Украине есть перспективы для изменения ситуации благодаря гуманизации массового сознания и усилиям общественно-патриотических организаций.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. С позиций исторической антропологии [16] рассматриваем ментальность русинов как их образ мышления, общую духовную настроенность, социально-психологические установки, которые сформировались под влиянием особенностей исторического развития и традиционной культуры. Вместе с тем ментальность сама служит средством анализа исторического процесса и истории Великой войны.

2. Эта проблема имеет значительную историографическую традицию. С одной стороны, ученые аргументированно приводят примеры лояльности русинов Галиции к русской армии в период Первой мировой войны по причине схожести обычаев, языка, а также усиления против них австро-венгерских репрессий [25 – 27]. С другой стороны, надо помнить, какие действия против русинов предпринимали отступавшие русские войска, а также тот факт, что они были подданными Австро-Венгерской монархии и воевали в составе ее армии.

3. Только 10 сентября 1917 г. в войска Юго-Западного фронта было отправлено «Наставление о порядке погребения убитых на полях сражений и оздоровления этих полей», которое детально регламентировало этот процесс, начиная со сбора тел, учета погибших, параметров захоронений и заканчивая запретом погребения солдат русской и других армий в одних могилах [22]. Эти нормы ранее не соблюдались, в частности, по той причине, что значительную часть погибших хоронили сами русины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белой А.С. Первая схватка за Львов. Галицийское сражение 1914 года. М.: Алгоритм, 2014. 432 с.
2. Буркут И. Первая мировая война в исторической памяти галичан и буковинцев // Русин. 2010. № 1 (19). С. 97–111.
3. Бобров А.А. Брусиловский прорыв. М., 2014. 400 с.

4. Військовий цвинтар та обеліск I Світової війни (с. Незвисько). URL: <https://drymba.com/uk/1054717-viyskovyy-tsvyntar-obelisk-pamyati-zherty> (останній перегляд: 28.08.2019).
5. Відомчий архів науково-редакційного відділу «Звід пам'яток історії та культури. Івано-Франківська область». Звіт про відрядження З. Федунківа у с. Білі Ослави Надвірнянського р-ну 28.10.2008 р.
6. Вшанували полеглих у Першій світовій // Галичина. 2010. 31 серпня.
7. Государственный архив Ивано-Франковской области (далее – ГАИФО). Ф. 12. Оп. 1. Д. 167. Л. 29–34. Список могил погибших воинов австро-венгерской армии на территории Косовского уезда. 1916 г.
8. ГАИФО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 168. Л. 33–36. Список могил погибших воинов российской армии на территории Кутского участка Косовского уезда. 1916 г.
9. ГАИФО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 169, Л. 13–43. Список могил погибших воинов российской армии на территории Косовского уезда в 1916 г.
10. ГАИФО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 25. Л. 4–7. Список могил погибших воинов российской и австро-венгерской армий в районе Чернелицкого участка Городенковского уезда. 1916 г.
11. ГАИФО. Ф. 15. Оп. 1. Д. 25. Л. 14. Список солдат русской армии, которые умерли от ран в июне 1915 г. и были похоронены на территории Коломыйского уезда.
12. ГАИФО. Ф. 528. Оп. 1. Д. 16. Л. 13–17. Рапорта полицейского пристава второго участка г. Станиславова о местах захоронения, погибших воинов российской армии на территории города 1915 г.
13. ГАИФО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 20. Л. 4–9. Сведения о количестве могил погибших российских воинов, находящихся на территории Коломыйского уезда. 1916 г.
14. ГАИФО. Ф. 605. Оп. 1. Д. 20. Л. 11. Список могил российских и австро-венгерских воинов, которые похоронены на кладбищах и в полях на территории Коломыйского уезда. 1916 г.
15. Из истории Карпатской операции 1915 г. Сборник документов. СПб.: Нестор-История, 2016. 520 с.
16. История ментальностей, историческая антропология. М., 1996. 256 с.
17. «Карпати-2018»: Знайшли останки 27 солдатів Першої світової. URL: <http://dzerkalo-zakarpattia.com/?p=132458> (дата обращения: 20.08.2019).
18. Козак О. Організація меморіальної справи на території Східної Галичини та Львівського воєводства із 1914 до 1939 року (2016). URL: <http://geroika.org.ua> (дата обращения: 20.01.2019).
19. Міста і села Галицького району: історія, пам'ятки, особистості. Івано-Франківськ: Нова Зоря, 2002. 784 с.
20. Некрополі Прикарпаття. Івано-Франківськ, 2000. 178 с.
21. Некрополі Івано-Франківська. Івано-Франківськ: НВ-Лілея, 2012. Кн. IV. 221 с.
22. Новиков П. Могилы солдат Русской императорской армии под Лодзью. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=424610> (дата обращения: 20.01.2019).
23. Орел Л., Чорненький Р., Гаврилишин П. Міфи старого некрополя // Галицький кореспондент. 2016. 5 квітня.

24. Перепоховання 93-х солдатів до сторіччя Великої війни. 11 листоп. 2018 р. URL: <https://unm.org.ua/uk/perepohovannya-93-h-soldativ-do-dorichchya-velykoji-viyny> (дата обращения: 25.01.2019).
25. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
26. Суляк С.Г. Геноцид русинов Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. Краткий обзор проблематики // Bylye Gody. 2015. Vol. 36, is. 2. С. 359–365.
27. Суляк С.Г. Русины в воспоминаниях участников Великой войны // Русин. 2016. № 2 (44). С. 73–92. DOI: 10.17223/18572685/44/6
28. Суляк С.Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. Т. 55. С. 272–316.

REFERENCES

1. Beloy, A.S. (2014) *Pervaya skhvatka za L'vov. Galitsiyskoe srazhenie 1914 goda* [The first battle for Lviv. The Battle of Galicia in 1914]. Moscow: Algoritm.
2. Burkut, I. (2010) *Pervaya mirovaya vojna v istoricheskoy pamyati galichan i bukovintsev* [The First World War in the historical memory of Galicia and Bukovina people]. *Rusin*. 1(19). pp. 97–111.
3. Bobrov, A.A. (2014) *Brusilovskiy proryv* [The Brusilov Offensive]. Moscow: Veche.
4. Drymba.com. (2017) *Viiskovyi tsvyntar ta obelisk I Svitovoi viiny (s. Nezvysko)* [Military cemetery and obelisk of the First World War]. [Online] Available from: <https://drymba.com/uk/1054717-viiskovyy-tsvyntar-obelisk-pamyati-zherty> (Accessed: 28th August 2019).
5. Fedunkiv, Z. (2008) *Zvit pro vidriadzhenia Z. Fedunkiva u s. Bili Oslavy Nadvirnianskoho r-nu 28.10 2008 r.* [Trip report of Z. Fedunkiv to Bili Oslavy, Nadvirna District, on October 28, 2008]. The Departmental Archive of the Scientific-Editorial Branch “Collection of historical and cultural Monuments. Ivano-Frankivsk region.
6. *Galichina*. (2010) *Vshanuvaly polehlykh u Pershii svitovii* [Hailed the fallen in the First World War]. 31st August.
7. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916a) *Spisok mogil pogibshikh voynov avstro-vengerskoy armii na territorii Kosovskogo uezda. 1916 g.* [The list of graves of fallen Austro-Hungarian soldiers in Kosiv Uezd. 1916]. Fund 12. List 1. File 167.
8. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916b) *Spisok mogil pogibshikh voynov rossiyskoy armii na territorii Kutsckogo uchastka Kosovskogo uezda. 1916 g.* [The list of graves of fallen soldiers of the Russian army in Kuty sector of Kosiv Uezd. 1916]. Fund 12. List 1. File 168.
9. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916c) *Spisok mogil pogibshikh voynov rossiyskoy armii na territorii Kosovskogo uezda v 1916 g.* [The list of graves of fallen soldiers of the Russian army in Kosiv District. 1916]. Fund 12. List 1. File 169.

10. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916d) *Spisok mogil pogibshikh voynov rossiyskoy i avstro-vingerskoy armiy v rayone Chernelitskogo uchastka Gorodenkovskogo uezda. 1916* [The list of graves of fallen soldiers of the Russian and Austro-Hungarian armies in Chernelitsky sector of Gorodenka District. 1916]. Fund 15. List 1. File 25.

11. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1915a) *Spisok soldat russskoy armii, kotorye umerli ot ran v iyune 1915 g. i byli pokhoroneny na territorii Kolomyyskogo uezda* [The list of soldiers of the Russian army who died from wounds in June 1915 and were buried in the territory of Kolomyia District]. Fund 15. List 1. File 25.

12. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1915b). *Raporta politseyskogo pristava vtorigo uchastka g. Stanislavova o mestakh zakhoroneniya, pogibshikh voynov rossiyskoy armii na territorii goroda 1915 g.* [The reports of the police officer of the second station of the city of Stanislavov on the burial sites, dead soldiers of the Russian army in the city in 1915]. Fund 15. List 1. File 16.

13. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916e) *Svedeniya o kolichestve mogil pogibshikh rossiyskikh voynov, nakhodyashchikhsya na territorii Kolomyyskogo uezda. 1916 g.* [Information about the number of graves of fallen Russian soldiers in Kolomyia District in 1916]. Fund 605. List 1. File 20.

14. The State Archive of Ivano-Frankivsk Region (GAIFO). (1916f) *Spisok mogil rossiyskikh i avstro-vingerskikh voynov, kotorye pokhoroneny na kladbishchakh i v polyakh na territorii Kolomyyskogo uezda. 1916 g.* [The list of graves of Russian and Austro-Hungarian soldiers who are buried in cemeteries and fields in Kolomyia District]. Fund 605. List 1. File 20.

15. Garkusha, I.O. (ed.) (2016) *Iz istorii Karpatskoy operatsii 1915 g. Sbornik dokumentov* [From the history of the Carpathian operation in 1915]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.

16. Mikhina, E.M. (1996) *Istoriya mental'nostey, istoricheskaya antropologiya* [The history of mentalities, historical anthropology]. Moscow: Russian State University for the Humanities.

17. Stefanyo, O. (2018) "Karpati-2018": *Znayshli ostantki 27 soldativ Pershoi svitovoi* [The remains of 27 soldiers of the First World War are found]. [Online] Available from: <http://dzerkalo-zakarpattya.com/?p=132458> (Accessed: 20th August 2019).

18. Kozak, O. (2016) *Organizatsiya memorial'noi spravi na teritorii Skhidnoi Galichini ta Lvivs'kogo voevodstva iz 1914 do 1939 roku (2016)* [Organization of the memorial in Eastern Galicia and the Lviv Voivodeship from 1914 to 1939]. [Online] Available from: <http://geroika.org.ua> (Accessed: 20th January 2019).

19. Arsenich, P., Fedunkiv, Z. & Gandzyuk, R. (2002) *Mista i sela Galits'kogo rayonu: istoriya, pam'yatki, osobistosti* [Cities and villages of Galych district: history, monuments, personalities]. Ivano-Frankivsk: Nova Zorya.

20. Anon. (2000) *Nekropoli Prikarpattya* [Necropolis of Precarpathians]. Ivano-Frankivsk: [s.n.].

21. Fedunkiv, Z. (ed.) (2012) *Nekropoli Ivano-Frankivs'ka* [Necropolis of Ivano-Frankivsk]. Issue 4. Ivano-Frankivsk: NV-Lileya.

22. Novikov, P. (2018) *Mogily soldat Russkoy imperatorskoy armii pod Lodz'yu* [Graves of the Russian Imperial Army soldiers under Lodz]. [Online] Available from: <http://geroika.org.ua> (Accessed: 20th January 2019).

23. Orel, L., Chornenkiy, R. & Gavrilishin, P. (2016) Mifi starogo nekropolya [The myths of the old necropolis]. *Galits'kiy korespondent*. 5th April.

24. GRLG.at.ua. (n.d.) *Perepohovannya 93-kh soldativ do storichchya Velikoi viyni. 11 listop. 2018 r.* [The reburial of 93 soldiers to the centennial of the Great War]. [Online] Available from: <https://unm.org.ua/uk/perepohovannya-93-h-soldativ-do-storichchya-velykoyi-viyny> (Accessed: 25th January 2019).

25. Sulyak, S.G. (2015) Genocide of the Rusins in Austro-Hungary during WWI. A Short Review of the Question. *Bylye Gody*. 36(2). pp. 359–365 (in Russian).

26. Sulyak, S.G. (2019) On the Carpathian Rus' terminology. *Rusin*. 55. pp. 272–316 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/55/16

27. Sulyak, S.G. (2006) Rusyni v period Pervoy mirovoy voyni i russkoy smutyi [The Rusins during the First World War and the Russian turmoil]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65.

28. Sulyak, S.G. (2016) Rusins in the memoirs of the participants of the Great War. *Rusin*. 44. pp. 73–92 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/44/6

Савчук Борис Петрович – доктор исторических наук, профессор кафедры педагогики им. Б. Ступарика Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Boris P. Savchuk – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: boris_savchuk@ukr.net

Билавич Галина Васильевна – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики начального образования Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (Украина).

Galyna V. Bilavych – Vasyl Stefanyk Precarpathian National University (Ukraine).

E-mail: ifosuhcvas@gmail.com